

на отсутствие исправной отмости, гидроизоляции фундаментов, неотвратимо шли процессы разрушения стенописей. Однако главный пафос доклада заключался в следующем: политику государства, как в советское, так и в настоящее время в области охраны и реставрации памятников монументальной живописи храмов Ростова Великого можно

считать неудовлетворительной — большинство их остается в аварийном состоянии.

Конференция сопровождалась выездными семинарами на экспозиции Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».

© М. А. Федотова

СТО ЛЕТ СПУСТЯ:

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

11—14 августа 2010 года в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Ясной Поляне состоялась очередная, вновь, как и в 2008 году, юбилейная, Международная научная конференция «Лев Толстой и мировая литература», которая была посвящена столетию со дня ухода и смерти Толстого. Тема «ухода», тематически и эмоционально настраивая участников конференции, актуализировала в процессе дискуссий проблему «ухода» как «вечного возвращения» — так можно определить состоявшийся диалог ученых, объединенных преданностью и любовью к творчеству и личности великого писателя.

Научное сообщество представляли исследователи России, США, Канады, Англии, Франции, Италии, Финляндии, Ирландии, Израиля, Японии, Украины. В качестве гостей на конференцию приехали и вольнослушатели из Бразилии, Исландии и Кувейта, на себе испытавшие обаяние и притяжение Ясной Поляны. Участники конференции не только стремились осмыслить толстовское наследие в контексте мировой и отечественной философии и культуры, но и перевести разговор в экзистенциальную плоскость — в обращении к прошлому, к событиям ухода Толстого из Ясной Поляны и из жизни. Неудивительно, что наиболее острые дискуссии развернулись вокруг проблем смерти и бессмертия, жизни и жизнестворчества, понимания и адекватности интерпретаций. Присутствие Толстого чувствовалось в августовские дни везде: в глубине и сумраке аллей, рядом с его окружающей зоной молчания простой, зеленой могилой, в его доме, библиотеке, в яблоневых садах, у прудов, у конюшен и — на огромном стенде, представлявшем генеалогическое древо рода Толстых, насчитывающее более 250 семей.

Приветствие участникам конференции Владимир Ильич Толстой, директор яснополянского музея, начал словами о годовщине не смерти, но бессмертия Толстого, о его творчестве как пространстве, безбрежном для открытий и безграничном для движения к его пониманию. «Мне говорят, — признался В. И. Толстой, — что годовщина ухода и

смерти — драматическая, мрачная дата. Нет, отвечаю я, в искусстве и жизни Толстого — избыток света, и все, кто бывал в Ясной Поляне или работает в ней, это знает и на себе ощущает». Он рассказал о работе, ведущейся в Ясной Поляне для увековечения памяти Толстого. Это и регулярные научные форумы, и конференции переводчиков толстовских текстов, и встречи с Толстыми — многочисленными потомками Льва Николаевича. Приветствие участникам конференции прислал также канадский профессор Андрей Донсков, инициатор, сотрудник и издатель целого ряда толстовских публикаций, вышедших в последние годы в Канаде и России.

В течение трех дней прошло семь научных сессий. Первое заседание открыл доклад профессора О. В. Сливницкой (С.-Петербургский университет культуры и искусства) «Человек Толстого как динамическое тождество». «Уникальность Толстого в том, — сказала докладчица, — что у него человек предстает как органическое единство изменчивости и неизменяемости (сам он указывал в качестве примера на Пьера). Суть проблемы, стоявшей перед Толстым всю жизнь, выражена в афоризме „Тайна в том, что «я» всякую минуту другой и все тот же“». Автор доклада, опираясь на мысль М. Л. Гаспарова о двух подходах к проблеме — филологическом («сквозь толщу культуры») и философском («мир как впервые, от нуля»), показала на основании одного фрагмента (Пьер на поле Бородина), как в человеке происходят глубинные сдвиги при сохранении единства личности. Роман Толстого, отметила О. В. Сливницкая, это не «роман воспитания», изменение человека у Толстого происходит в пределах взрослости, когда на глубинных уровнях ему открываются сверхсмыслы событий в их бытийном и космическом масштабе. У Толстого мы имеем дело с явлением эпифании — внезапным проявлением божественной силы, открывающим в привычном, увиденном заново, вечное. «Движущийся тип» Толстого, таким образом, создается при сопряжении двух оптик — глубинной (проникновение в подсознание) и

вершинной (духовное стремление обрести смысл).

Доклад профессора С. М. Климовой (Белгородский университет) «Природа творческого мышления: (по материалам переписки Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым)» был посвящен 26-летию эпистолярному философскому диалогу Толстого и Страхова. «Переписка зачастую демонстрирует, — сказала докладчица, — как теоретически непроторично и Страхов, и Толстой в своих рассуждениях совмещают немецко-рационалистические, шеллингианско-органические, пантеистические, духовно-антропоцентрические, религиозно-мифологические, почвеннические, художественно-образные и прочие идеи, не претендуя и одновременно претендуя на целостность своего мировоззрения, создавая в ходе диалогов нечто совершенно философски новое. Их диалог есть наглядная демонстрация *Lebens Dynamik* русской философии, и особую остроту этому процессу придает сама форма эпистолярного жанра, в рамках которого формируется новая философия. Известные произведения Толстого и Страхова можно перечислять по-иному, поместив их в диалогическое пространство Переписки, ставшее экзистенциальной скрепой важнейших трудов двух мыслителей».

Близким прозвучавшему докладу по общей концепции было выступление второго специалиста из Белгорода И. Б. Салмановой (Белгородский институт культуры и искусства) «От переписки к „Исповеди“ Л. Н. Толстого», в котором исследовалась природа исповедальности в творческой эволюции и жизненном мире Толстого. В докладе речь шла об опыте «скрипизации» бытия как переживания жизни и одновременно ее творения, дневник и переписка рассматривались как тексты жизнетворчества. Понятия «исповедальность», «исповедальное начало» И. Б. Салмановой были осмыслены как пограничные состояния или «остановки жизни» (в соответствии с толстовским определением). Докладчица не ограничилась проблемой автобиографизма, обнаружив в «Исповеди» диалогическую природу, что позволило ей по-новому проследить путь толстовских исканий от переписки как пограничного жанра, реализующего исповедальное начало, через диалог к собственно «Исповеди».

В докладе «Прав ли Бернард Шоу в отзывах о пьесе „Власть тьмы“? (к вопросу антишекспиризма Л. Н. Толстого)» профессор Принстонского университета Кэрил Эмерсон оригинально выстроила треугольник «Шекспир — Шоу — Толстой», рассмотрев оппозицию Толстого Шекспиру сквозь призму ее восприятия Бернардом Шоу. Видевший толстовскую «Власть тьмы» в Лондоне в 1908 году, Шоу отправил Толстому собственную пьесу «Разоблачение Бланко Поснета» (1909), представлявшую собой, как подчеркнула докладчица, детективную мистерию, или «проповедь в форме новой мелодрамы».

Спору о Шекспире и его отголоскам как в пьесах Толстого и Шоу, так и в их переписке и был посвящен этот вполне театрально поданный доклад.

В выступлении профессора Инессы Меджибовской (Новая Школа, Нью-Йорк) «Загадочные монахи Толстого» речь шла главным образом о незавершенном толстовском рассказе «Иеромонах Илиодор» (в рукописях — Исидор), начатом в 1909 году и повествующем о духовном «перевороте» порывающего с церковью монаха-революционера. В основу размышлений докладчицы о теме «ухода» у позднего Толстого и ее вариантах («обращение», «переход»), об отношении писателя к монашеству и священству легли исследованные ею рукописи и подготовительные материалы к рассказу.

Второе заседание открыл директор Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве В. Б. Ремизов сообщением об экспозиционной, исследовательской и издательской деятельности музея, особенно интенсивной в юбилейном году. Рассказав о многочисленных выставках и работе над сайтом «Толстой и русские писатели», В. Б. Ремизов подробно остановился на изданиях музея, назвав прежде всего «Переписку Л. Н. Толстого с А. А. Толстой», альбом «Уход и смерть Л. Толстого», двухтомник «Он и она» (в котором помимо «Крейцеровой сонаты» должны быть впервые опубликованы две повести Софьи Андреевны и повесть Льва Львовича Толстого «Прелюдия Шопена»), а также целый ряд других изданий, вводящих в научный обиход архивные материалы музея.

Живой интерес вызвал доклад президента Международного толстовского общества и одного из организаторов конференции профессора Донны Орвин (Университет Торонто) «Беллетризация и правда Бородинского поля». Возвращая аудиторию к гетевскому вопросу («Поэзия и правда»), докладчица сосредоточилась на проблеме «сопряжения» правды и художественного вымысла, подлинного и сотворенного (фикционального) в главах «Войны и мира», посвященных Бородинскому сражению. Слушатели познакомились как с составленной Толстым и включенной им в текст романа исторической картой Бородина (и увидели точки совпадений и несовпадений в картографии реального и литературного «планов» Бородинского поля), так и с широкой семантикой самого слова «поле». Доклад вызвал много вопросов и возобновление дискуссии вокруг проблемы Толстого-историка, породив новые и плодотворные размышления о вымысле и реальности в структуре художественного текста.

Интерпретации ряда мотивов «Войны и мира» был посвящен доклад профессора Ивритского университета в Иерусалиме Е. Д. Толстой «Лейтмотивы и анаграммы в „Войне и мире“». Отметим, что словесный поворот у Толстого всегда ведет к разгадке личности, суггестирует смыслы, Е. Д. Толстая

продемонстрировала авторский мифопоэтический «умысел» или «диагноз» в bestiарных коррелятах Наташи (коза), Сони (кошечка), Николая Ростова (собаки и лошади), указав, что подобной «умышленной» лейтмотивности нет, например, у князя Андрея. Речь в докладе также шла о фонетической оркестровке толстовского текста. Оригинальное и убедительное истолкование толстовских повторяющихся мотивов и ситуаций, работающих в тексте в качестве «смысловых зеркал», предложил и профессор Университета Хайфы Владимир Паперный в докладе «О далеких смысловых связях в романах Льва Толстого (полководцы и врачи в «Войне и мире», лошадь Фру-Фру, Анна и Вронский в «Анне Карениной»)». Так, функции и Наполеона, и Кутузова, представленных Толстым «врачами» (а это сопоставление им заимствуется из исторических текстов, как и сравнение теории войны с медицинской теорией), оказываются столь же бессмысленными, как и функции врачей, поскольку, по Толстому, причины болезни бесчисленны, как и причины событий в «организме» исторического процесса. Скрытые сквозные смыслы, подчеркнул В. Паперный, связывают отдельные части «длинного» толстовского текста, но эта связь не только мифопоэтическая или аллегорическая, это, как в случае «лошадиных» уподоблений отношений Анны и Вронского (скачки, бега), и связь с «общей жизнью», включенность в «общую жизнь» социального и природного миров.

Еще один доклад о «Войне и мире» был прочитан исследователем из США Евгением Сливкиным — «Андрей furioso: военные аристократы и неаристократы у Л. Н. Толстого. Компрометация рыцарского кодекса». Сославшись на Филиппа Арьеса, впервые замечавшего, что мужики у Толстого не умирают обычными смертями, а уходят из жизни подобно рыцарям в «Песни о Роланде» и историях рыцарей Круглого стола, докладчик проанализировал ряд смертельных случаев «военных аристократов» и «неаристократов» у Толстого (так они названы в «Севастопольских рассказах»), придя к выводу, что Толстой лишил «военных аристократов» возможности умереть смертью эпических рыцарей, открыв эту возможность (смерть, спокойно ожидаемая и кротко принятая) для крестьян. Структурной близости «Войны и мира» эпической поэме «Неистовый Роланд» Л. Ориосто, созданной под влиянием «Илиады», докладчик также уделил внимание, предположив, что Толстой не мог не вступить в отношения художественного антагонизма с «Неистовым Роландом» как «национальным текстом» Наполеоновской Империи. Тема смерти стала ключевой и для завершившего заседание доклада Жерара Абенсура (Франция) «„Хаджи-Мурат“ в зеркале „Войны и мира“», в котором докладчик выделил разную типологию, рассуждая о

типе «легкой смерти» в «Хаджи-Мурате» и «тяжелой» в «Войне и мире».

На третьем заседании с большим интересом был выслушан доклад профессора из Японии Коити Итокавы «Обзор ухода Толстого», построенный на сопоставлении воспоминаний близких и современников писателя и посвященный «отдаленным причинам» его «перелома» и «ухода». Доклад молодой исследовательницы из Москвы Юлии Красносельской «От „Разжалованного» к „Альберту», или Воскрешение „Пропавшего» Л. Н. Толстым», в котором рассматривались военно-музыкальные параллели, вызвал дискуссию о первичности в «Альберте» романтических сюжетных клише или же собственно толстовских элементов. О соотношении эпичности и психологизма в поэтике двух романистов шла речь в докладе Ирины Гнусовой (Томский университет) «Л. Н. Толстой и У. М. Теккерей». Содержательным было выступление Барбары Лёнквист (Университет Або, Турку) «„Азбука» Л. Н. Толстого как литературное творчество», в котором докладчица подробно проанализировала толстовские принципы переложения басен и сказок для «Азбуки», поставленные им проблемы языка, сюжета и адресата. Для рассказа «Кавказский пленник», созданного как самостоятельное произведение, была предложена в качестве прототекста, ранее не учтенного, новелла Ксавье де Местра «Кавказские пленники» (1815).

А. Г. Гродецкая (Пушкинский Дом, С.-Петербург) в докладе «Подробность в пределах контраста (из наблюдений над рукописями „Воскресения»)» подчеркнула актуальность знания истории текста для исследования романа. «Текучесть» рукописей «Воскресения», процесс постоянного нелинейного прирастания текста и радикальность, а порой и парадоксальность трансформаций авторского замысла на макро- и микроуровне (от фабульного и персонажного до уровня подробности) и были продемонстрированы в докладе. Поэтике «Воскресения», структурному и содержательному радикализму последнего толстовского романа, реализовавшего, как отметила докладчица, протест писателя против классической эстетики, с преобладающими в нем приемами остранения и гротеска, был посвящен доклад молодой исследовательницы из Колумбийского университета Эни Кокобобо «Роман Толстого „Воскресение» как антироман». Завершилось третье заседание выступлением канадского профессора Александра Зверса «Тема в интерпретации драмы Л. Н. Толстого „И свет во тьме светит», в котором прозвучала весьма неординарная идея о том, что в пьесе писатель попытался средствами искусства смягчить свой жизненный конфликт с Софьей Андреевной, встав в каком-то смысле на путь мифотворчества о самом себе.

Четвертое заседание открыл А. В. Гулин (ИМЛИ, Москва), главный редактор нового

Академического собрания сочинений Толстого в 100 томах, работа над которым ведется в Институте мировой литературы. Его рассказ об эдических принципах издания и о ходе работы над ним вызвал многочисленные вопросы, касавшиеся как результатов, так и перспектив проекта. В конференционное русло аудиторию вернул доклад профессора Санкт-петербургского университета И. В. Лукьянец «Вымысел о себе в автобиографической прозе Л. Н. Толстого и Ж.-Ж. Руссо». Речь в нем вновь, но уже на ином материале шла об автобиографизме и его «правде», о поисках способов введения автором себя во внутреннюю ткань не только произведения, но и истории, в том числе и истории о себе. «Автобиографические тексты Толстого, — сказала докладчица, — сложно рифмуются, резонируют с текстами Руссо. Для Руссо и Толстого правда не есть внеположенная данность, она — отклик внутреннего мира на постигнутый факт. Важным в этом смысле оказывается постижение авторского намерения, которое должно быть истолковано в соответствии с идеей „речевого высказывания“ М. М. Бахтина. Именно авторская интенция определяет многое в жанровых формах автобиографической прозы Руссо и Толстого».

Новый, фактически неизвестный материал представила в докладе «„Единобрачие и многобрачие“ Б. Бьёрнсона и „Крейцера соната“ Л. Н. Толстого: публицистика как ключ к прочтению художественного текста» Г. В. Алексеева, заместитель директора по науке в Ясной Поляне, организатор конференции. В докладе публицистика норвежского писателя (в яснополянской библиотеке сохранилось более десяти его книг) была убедительно сопоставлена с толстовской повестью. По словам исследовательницы, состоялся непреднамеренный диалог двух авторов на одну тему, их связала критика всех институтов общества, в том числе и церкви в ее отношении к браку и добрым отношениям. Завершил заседание достаточно спорный, обращенный главным образом к проблеме «телесности» и антиномии духа-плоти доклад Ксении Нагиной (Воронежский университет) «Художественная антропология Л. Н. Толстого и М. Кундеры».

Пятое заседание было посвящено восприятию и новому прочтению Толстого в мировой культуре. Об этом говорили Т. Н. Красавченко (ИНИОН РАН, Москва) в докладе «Траектория восприятия Льва Толстого в английской культуре XX века» и петербургская исследовательница Ирина Мельникова, давно работающая в Японии, в докладе «Японские контакты Л. Н. Толстого и Кониши Масутаро (1861—1939)». Доклад Вильяма Никелла (Калифорнийский университет в Санта-Круз) «Великий писатель мира: русское прочтение международной рецепции смерти Толстого» был особенно интересен, так как, с одной стороны, напрямую воссоздал атмосферу последних дней писателя и ре-

акцию на его смерть за рубежом, а с другой стороны, стал итогом недавно изданной книги докладчика «The Death of Tolstoy: Russia on the Eve, Astapovo Station» (2010). Согласно собранному докладчиком многочисленным источникам, Толстой был первым русским, приковавшим к себе мировое внимание и интерес, граничившие с обожествлением. «Именно Толстой, — подчеркнул Билл Никелл, — заставил Европу верить в Россию, однако Россия никогда не ценила Толстого столь высоко, как Европа и Америка, и этот тезис одинаково печально звучал сто лет назад и звучит сейчас. Между тем и сегодня актуальны слова Короленко, сказанные в те трагические дни: „Мир готов оценивать Россию, светскую и духовную, по ее отношению к Толстому“».

Полным контрастом этому докладу прозвучало вызывающее, а отчасти и скандальное выступление американского исследователя Майкла Каца «Три смерти Толстого: факт, фантазия, фильм», отразившее пределы интерпретации исторических фактов, данных в научных трудах (в частности, в монографии Никелла), в биографическом романе Джея Парини (Jay Parini) «The Last Station: A Novel of Tolstoy's Last Year» (1990) и поставленном по роману фильме М. Хоффмана «The Last Station» (Hollywood Sony Pictures, 2009). Превращение Толстого в голливудский «бренд», примитивность подачи семейного конфликта и акценты на надуманных мотивах гомосексуальности (Толстой-Чертков) не могли не вызвать негативной реакции у слушателей.

Сразу два доклада — Дэна Мулина (Оксфорд) «Педагогические идеи Льва Толстого: обретение нового смысла» и Нади Клейтон (Университет Техаса в Остине) «Педагогическая интерлюдия Толстого» — представили аудитории уникальный диалог между Толстым-педагогом и его учениками, его системе развития творческого сознания ученика и проблеме актуализации этого опыта в современных школах Европы и Америки. Заседание завершил доклад украинского исследователя А. С. Волковинского (Каменец-Подольский национальный университет) «Антропологическое прочтение офитских мотивов в произведениях Г. Сковороды и Л. Толстого», в котором рассматривались ключевые символы философии Сковороды (Змий, Око, Кольцо и др.) и особенности текстового функционирования близких образов у Толстого.

Открывший шестое заседание доклад специалиста по теории литературы профессора Стефании Сини (Университет Восточного Пьемонта, Италия) «Голоса, интонации, акценты Толстого, по Бахтину» вызвал острейший интерес аудитории, объясняемый известным парадоксом бахтинской «глухоты» к Толстому. Стефания Сини нашла возможность услышать в текстах Бахтина звучание вполне определенных «голосов» его совре-

менников-ученых — академика В. В. Виноградова, А. В. Чичерина, Б. М. Эйхенбаума, так или иначе «беседовавших» с Бахтиным при формировании его концепции толстовского монологизма (в противоположность диалогизму Достоевского). «Для Эйхенбаума, — заметила докладчица, — понятие интонации было принципиальным, интонация, по Бахтину, — это остановка в ориентации на другого». Стефания Сини размышляла и об интонациях в текстах Бахтина, когда он упоминает Толстого или повествует о нем или когда анализирует «голоса, интонации, акценты» самого Толстого. Бахтинские интонации — это отношения-реакции, аксиологические, ценностные, но не отделенные от эмоционального мотива. Еще одним «голосом», сопровождающим тексты Бахтина в его новом шеститомном издании, стал голос С. Г. Бочарова, и Стефания Сини уделила внимание включенному впервые в это издание бахтинскому черновику «Предисловия» к «Воскресению», в котором «голоса», «акценты» и «интонации» много «громче», чем в окончательном тексте. Речь в докладе шла также и о лекциях Бахтина в известных записях З. Миркиной.

В основной части заседания прозвучали доклады профессора С.-Петербургского университета Э. Ф. Осиповой «Позднее творчество Л. Н. Толстого в оценке американских писателей», независимого американского ученого Марши Зильберман «Моралистические произведения Люси Маллори как источники „Круга чтения“ и „Пути жизни“» и профессора Американского Военного университета Мэри Олеа «Американский солдат читает Толстого». Последний доклад, чрезвычайно эмоциональный, вызвал у слушателей самое искреннее сопереживание. Выяснилось, например, что толстовские «Севастополь в декабре месяце» и «Севастополь в мае» не просто созвучны настроениям американских солдат, сходным образом переживающих свое положение, но и являются любимым чтением в армии. Мэри Олеа привела выдержки из сочинений своих студентов — свидетельства того, что американские солдаты совершенно так же воспринимают войну, мир, события военного быта, как и герои Толстого, и это открытие поражает. Особенно зная то, что в Военном университете преподавание ведется в системе онлайн и слушатели профессора Олеа находятся в действующей армии в Афганистане и Ираке.

А. Н. Полосина (Ясная Поляна) в докладе «Тема рубашки счастливого человека в произведениях Л. Н. Толстого, Ж. Верна и А. Франса» сопоставила функции бродячего сюжета, известного в истории культуры разных народов и в сказочном фольклоре, у писателей XIX и начала XX века, в чьих текстах рубашка остается символом аскезы человека, счастливо обходящегося самым малым. Наконец, ирландский дипломат, ра-

ботающий в Бельгии, Майкл Санфи познакомил аудиторию с интереснейшими фактами литературной рецепции Толстого в XX веке в докладе «Влияние Толстого на Джеймса Джойса и Сэмюэла Беккета».

Последнее заседание третьего дня работы конференции завершило интенсивный многодневный диалог о Толстом, позволив каждому желающему высказаться, обобщив наиболее значимые идеи, затронутые в докладах. Большой резонанс вызвало выступление молодого профессора РГГУ (Москва) Алексея Круглова, постоянного участника яснополянских форумов, «Право в восприятии позднего Толстого». Он подробно остановился на критике института права Толстым, с позиций христианского анархизма отрицавшего право наряду с государством и ставившим под сомнение не только его институциональность, но и научность. Обсуждение социальных функций права поставило вопрос о его соотношении с моралью, о подмене моральных норм правовыми.

С нескрываемым интересом был заслушан и доклад сотрудника Института всеобщей истории РАН Михаила Талалая, давно живущего и работающего в Италии, «Толстой и русская эмиграция в Италии». Докладчик рассказал о новых биографических сюжетах и обнаруженных им в итальянских архивах документах, связанных с жизнью и творчеством Толстого. Первый из сюжетов, представленный докладчиком, касался русско-итальянско-американского писателя Никколо Туччи, чья бабушка София Бер, лично знакомая с Толстым, перевела его поздние статьи и трактаты на итальянский и немецкий языки. Второй находкой М. Талалая стали воспоминания о «тете Паскевич», светлейшей княгине Варшавской Ирине Ивановне Паскевич-Эриванской, французской переводчице «Войны и мира», написанные ее племянницей графиней Александрой Илларионовной Воронцовой-Дашковой, в замужестве графиней Шуваловой. Мемуары эти, фрагменты которых были зачитаны докладчиком, готовятся к печати. Наконец, третья неопубликованная рукопись, найденная М. Талалаем, — воспоминания графа Дмитрия Адамовича Олсуфьева, частого гостя Ясной Поляны, товарища по университету сына Толстого Сергея Львовича. В них мемуарист, помимо прочего, высказывает интересные предположения о возможных прототипах толстовских героев.

Рабочие дни конференции закончились презентацией новых изданий о Л. Н. Толстом, вышедших в течение двух последних лет в США, Канаде, Великобритании и России — в Туле и Ясной Поляне, в Томске, Воронеже и Петербурге.

© А. Г. Гродецкая,

© С. М. Климова